UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301308 3

Dobrovol'skiĭ, L O
poezii Gogolia.

PG
3335
Z8D58

OPB

O POEZII GOGOLÎÀ

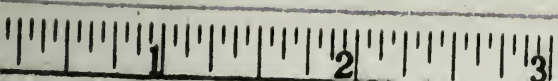
L. O. Dobrovolskiĭ

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

PG
3335
Z8D58

767096

8077



THE LIBRARY OF

Dobrovol'skiĭ, L

Л. О. ДОБРОВОЛЬСКІЙ.

O poëzii Gogolia

О ПОЭЗІИ ГОГОЛЯ.

Рѣчь, читанная въ Могилевскомъ Собраніи 7 Мая 1886 года, по поводу 50-тилѣтняго юбилея комедіи «Ревизоръ.»

Могилевъ на Днѣпрѣ.
Своропечатня и Литографія Ш. А. Фридланда.
1886.

ONGRESS
SERVICE

PG 3335
Z8D58

Дозволено цензурою.—24 Іюня 1886 года. Вильна.

Милостивыя Государыни и Государи!

19 прошлаго апрѣля исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня постановки на сцену комедіи „Ревизоръ". Юбилей этотъ послужилъ поводомъ къ празднеству, посвященному памяти Гоголя, празднеству, которое, начавшись въ столицахъ, захватило широкой волной всю образованную Россію, встрѣчая повсюду откликъ живаго сочувствія. Благодаря ему, образъ великаго піонера русскаго самобытнаго поэтическаго творчества всталъ ярче и живѣе въ воспоминаніи общества, возникла мысль о сооруженіи памятника Гоголю, и собравшись здѣсь съ цѣлью внести свой вкладъ въ это національное дѣло, Вы тѣмъ дали мнѣ смѣлость предложить Вашему вниманію нѣсколько словъ о нашемъ великомъ учителѣ.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ и оцѣнку отдѣльныхъ произведеній Гоголя, и я остановлюсь

только на общемъ характерѣ гоголевской поэзіи и попытаюсь очертить лишь тѣ ея стороны, благодаря которымъ она особенно дорога и близка сердцу каждаго изъ насъ.

Какъ всѣ великіе писатели, Гоголь соединялъ въ себѣ вдохновеніе и даръ поэта съ умомъ философа. Онъ не подходитъ къ ряду пѣвцовъ, заявляющихъ, подобно Фету: „не знаю, что я буду пѣть, но пѣснь въ душѣ поэта зрѣетъ". Напротивъ того, рука объ руку съ развитіемъ творческаго дара, въ Гоголѣ сложилось вполнѣ ясное и законченное пониманіе своего назначенія и предлежащихъ ему задачъ. Въ подтвержденіе этого достаточно сослаться на ту чудную страницу въ поэмѣ „Мертвыя Души", на которую вылились самые задушевные помыслы автору, гдѣ Гоголь, можно сказать, изложилъ свою авторскую исповѣдь. Намекая на гремѣвшія въ то время на всю Европу имена Гёте и Байрона, вспоминая ихъ возвышенныхъ героевъ—Фауста, Манфреда, Чайльдъ-Гарольда,—Гоголь писалъ: „Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка... Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его... Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи, онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго че-

ловѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими" (М. Д. ч. I, гл. VII). Но не завидовалъ Гоголь этому чудному удѣлу выразителей положительныхъ идеаловъ, и избралъ онъ себѣ иной путь, иныя задачи... Предметомъ своей поэзіи Гоголь взялъ прозу жизни, будни человѣчества; своими героями избралъ людей слабыхъ, ничтожныхъ, презрѣнныхъ и задался цѣлью „вызвать наружу всю страшную, потрясающую типу мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная горькая и скучная дорога"... (тамъ же).

Мнѣ приходятъ на память слова современника Гоголя—Пьера Леру, стяжавшаго себѣ въ 40-хъ годахъ громкую извѣстность политическаго фантазера. Изъ массы его изреченій довольно извѣстенъ афоризмъ: „поэзія призвана обнажать язвы общества, задача науки—лѣчить ихъ". Хотя Гоголь понималъ поэзію несравненно глубже, нежели этотъ господинъ, такъ какъ умѣлъ цѣнить и другія ея стороны, но поэзія Гоголя близко подходитъ именно къ тому, что Пьеръ Леру только и признавалъ поэзіей. Она именно обнажаетъ отрицательныя явленія жизни и рас-

крываетъ тѣ ея стороны, которыя нуждаются въ реформѣ и изцѣленіи. Отсюда отрицательное отношеніе Гоголя къ дѣйствительности, отсюда поэзія Гоголя—поэзія отрицанія.

Но не въ этомъ отрицаніи ея главная особенность и достоинство. Отрицательное отношеніе къ дѣйствительности—вещь очень старая; оно явилось чуть ли не съ той поры, когда человѣчество стало впервые приходить къ самосознанію. Ювеналъ, Монтень, Вольтеръ жили и умерли задолго до Гоголя, а въ Мефистофелѣ Гёте отрицательное направленіе достигло высшаго выраженія. Но отрицаніе Гоголя носитъ совсѣмъ иной характеръ, нежели отрицаніе этого величаваго духа зла. Мефистофельское отрицаніе не даетъ людямъ счастья. Разбивая людскіе кумиры и раскрывая пустоту и ничтожество всего, что волновало душу и живило сердце человѣка, оно не въ силахъ возмѣстить человѣку отнятое, неспособно вдохнуть въ его нравственный міръ новое содержаніе и оттого неизбѣжно ведетъ къ несчастью и отчаянію, какъ это показалъ Гёте на примѣрѣ Маргариты и Фауста. Мефистофель очень уменъ, пожалуй обольстителенъ, но умъ далъ ему одно сомнѣніе: онъ несчастенъ самъ и не можетъ дать счастья другимъ. Такова и чисто отрицательная поэзія, такова сатира Вольтера, таково отрицаніе Байрона, тотъ же харак-

теръ, хотя въ слабѣйшей степени, носитъ „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина и „Герой нашего времени“ Лермонтова. Презрѣніе и ненависть къ людямъ, желанье—

... бросить имъ въ лицо желѣзный стихъ,
облитый горечью, и злостью,—

таковъ основной мотивъ поэзіи упомянутыхъ мною писателей.

Но одно отрицаніе еще не ведетъ къ благу. Отрицая одно, необходимо имѣть что-нибудь другое, во имя чего отрицается первое. Отрицаніе плодотворно лишь тогда, когда въ основѣ его лежитъ вѣра и положительный идеалъ.

У Гоголя эта вѣра была, и положительный идеалъ стоялъ неотступно предъ его очами. Онъ глубоко вѣровалъ въ силу человѣческаго духа, въ торжество истины и правды, вѣровалъ въ человѣчество, какъ оно есть, со всѣми его несовершенствами. Идея добра представлялась Гоголю не какъ отвлеченный принципъ, попранный непросвѣщенной чернью и не нашедшій приложенія въ жизни, а какъ неразрывная, органическая принадлежность этой же черни, какъ здоровое зерно, которое таится въ сердце *каждаго*, ибо даже самый низкій человѣкъ не можетъ жить вовсе безъ истины и правды.

Чтобы выяснить и подтвердить сейчасъ сказанное, достаточно бросить одинъ бѣглый взглядъ на характеръ Гоголевскихъ типовъ. Припомните, Милостивые

Государи, хотя бы финалъ „Ревизора". Толпа уѣздныхъ пройдохъ, дружно идя въ хвостѣ своего коновода—городничаго, торжествуетъ побѣду надъ одураченнымъ quasi-ревизоромъ, не замѣчая, что всѣ они сами себя поймали въ ловушку, и возбуждая поэтому въ зрителѣ вполнѣ безпечный и высокомѣрный смѣхъ. Городничій мнитъ себя наканунѣ блестящей карьеры, ему начинаютъ уже раболѣпно курить фиміамъ, какъ вдругъ оказывается, что Хлестаковъ—не ревизоръ, раболѣніе моментально переходитъ въ безпощадное злорадство, и городничему приходится очнуться и забыть очаровательныя грёзы. Моментъ, казалось бы, самый комическій и долженъ вызвать цѣлую бурю смѣха.... Но не такъ выходитъ у Гоголя: именно въ этотъ моментъ смѣхъ у зрителя мгновенно пропадаетъ и уступаетъ мѣсто неподдѣльному драматизму. Противны становятся всѣ эти герои уѣзднаго города, и несчастье городничаго возбуждаетъ невольное состраданіе и симпатію. А когда онъ обращается къ публикѣ съ извѣстной фразой: „надъ кѣмъ смѣетесь? Надъ собой смѣетесь!...", то жутко становится зрителю отъ этихъ словъ дотолѣ смѣшнаго и презрѣннаго человѣка... Въ городничемъ-карикатурѣ проснулся человѣкъ, и онъ импонируетъ вамъ!

Или Чичиковъ! Сколько ума, энергіи и здраваго смысла съумѣлъ Гоголь вложить въ этого героя, сколько теплоты и искренности проявляетъ Чичиковъ въ

годину неудачи и горя, какъ безпощадно и трезво смотритъ онъ и на себя, и на окружающее общество. Читая „Мертвыя Души“ и добродушно подсмѣиваясь надъ Чичиковымъ, читатель однако чуть не на каждой страницѣ замѣчаетъ, что большая часть сужденій Чичикова вполнѣ основательна, и что не только читатель, но и самъ Чичиковъ стоятъ выше окружающаго общества и видятъ дальше его!—Или возьмите разсказъ „Старосвѣтскіе Помѣщики“. Какими карикатурами должны бы выйти эти люди, опустившіеся до полной утраты всякихъ интересовъ, не относящихся къ брюху,—а какъ симпатичны оказались у Гоголя Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна!—Даже Плюшкина, эту „прорѣху на человѣчествѣ“, Гоголь заставилъ расчувствоваться и просвѣтлѣть на минуту душой, когда разговоръ съ Чичиковымъ привелъ ему на память годы дѣтства.—Припомнимъ наконецъ „Разсказъ о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Мелкая, безсмысленная жизнь этихъ, съ позволенія сказать, людей раскрыта Гоголемъ съ самымъ безпощаднымъ и торжествующимъ смѣхомъ, а какою грустью заканчивается этотъ разсказъ! „Эхъ, скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!“ обращается Гоголь къ читателю, и читатель чувствуетъ, что эти слова относятся сколько къ жителямъ Миргорода, столько же и къ нему, читателю, ибо грани, раздѣляющія лю-

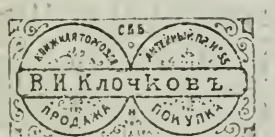
дей, слишкомъ тонки и шатки, ибо, выражаясь словами Гоголя, каждый изъ насъ былъ хоть разъ въ жизни Хлестаковымъ, а Гоголь умѣетъ дать читателю это почувствовать.

Это умѣнье открывать въ отрицательныхъ типахъ симпатичныя стороны и, осмѣивая пороки общества, отмѣчать человѣческое достоинство его членовъ могло быть плодомъ только горячей вѣры въ людей, только глубокаго убѣжденія въ томъ, что живъ человѣческій духъ, и довольно въ немъ силы, чтобы побороть въѣвшееся въ него зло. Эта вѣра, это убѣжденіе отразились весьма ярко на характерѣ поэзіи Гоголя и сообщили его произведеніямъ своеобразный отпечатокъ. Въ Гоголѣ нѣтъ того аристократизма, нѣтъ той брезгливости къ толпѣ, какою отличались современные ему представители романтизма: онъ всегда помнилъ и напоминалъ, что „самый низкій, самый послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ твой". Отсюда двойственность, или вѣрнѣе, сложность гоголевской ироніи. Служа истинѣ и справедливости, Гоголь карал безпощаднымъ смѣхомъ недостатки людей, а симпатія къ людямъ, дополняя и смягчая этотъ смѣхъ, заставляла автора страдать и болѣть за своихъ героевъ, и отсюда вытекло то особое отношеніе Гоголя къ міру, которое онъ характеризовалъ извѣстными словами: „Опредѣлено мнѣ

чудной властью озирать жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы". Въ теоріи литературы такое отношеніе къ дѣйствительности называется *юморомъ*. Юморъ—это иронія, въ основѣ которой лежитъ чувство гуманности и любви; она особенно присуща и симпатична народамъ славянской расы, и такимъ образомъ уже одной этой стороной своей поэзіи Гоголь заслужилъ имя національнаго писателя.

Можетъ быть, именно такому складу своего міросозерцанія Гоголь обязанъ высокой художественностью своихъ произведеній. Объективное отношеніе къ дѣйствительности, по пословицѣ tout connaître—tout pardonner, удаляло Гоголя отъ злобъ дня и страстей минуты; онъ всегда оставался художникомъ и ни разу не выступилъ въ роли литературнаго бойца, памфлетиста, какими явились позднѣе Некрасовъ и Щедринъ. Оттого и вліяніе Гоголя на современниковъ не могло быть такъ сильно, какъ вліяніе этихъ его преемниковъ. Можно даже съ увѣренностью сказать, что для современнаго поколѣнія Щедринъ сдѣлалъ больше, чѣмъ Гоголь. Но въ *исторіи* литературы Гоголь навсегда останется выше.—Некрасова уже начинаютъ забывать, черезъ пятьдесятъ лѣтъ добрая половина трудовъ Щедрина станетъ непонятна читателю; Гоголь же будетъ всегда и доступенъ, и понятенъ, и близокъ. И какъ телескопъ ставитъ предъ очами астронома

самыя далекія и невидимыя области мірозданія, такъ возстанетъ предъ потомствомъ общество дореформенной Россіи,—благодаря творческому генію Гоголя...


КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
СПБ
АНТИКВАРНЫЙ МАГ.
В. И. КЛОЧКОВЪ.
ПРОДАЖА
И
ПОКУПКА

PG
3335
Z8D58

Dobrovol'skii, L. O.
O poézii Gogoliâ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 03 05 08 012 8